

Этот вопрос был обречен остаться без ответа.

Гу Цинсю молча наблюдал за тем, как юноша поспешно ретировался к гримерам, чтобы подправить макияж. Он порывался окликнуть его, вернуть назад, но в последний момент передумал. Альфа лишь опустил взгляд, погрузившись в свои думы.

Лишь когда Инь Чжоу закончил с гримом и вновь подошел к нему, Гу Цинсю поднял голову.

— Учитель Гу? — негромко позвал юноша. — Вы в порядке?

Гу Цинсю обернулся и, чувствуя на себе любопытные взгляды съемочной группы, ответил:

— Тебе не стоило уходить. Ты ушел слишком быстро, я не успел тебя остановить. У меня нет к тебе никакой неприязни.

«Никакой неприязни? А зачем тогда использовать подавляющий спрей?»

Инь Чжоу едва удержался от ироничной ухмылки.

«Лукавите, учитель Гу».

Впрочем, на людях Инь Чжоу умел держать лицо. Он понимающе улыбнулся:

— Ну и славно. А то я уж было решил, что мой запах кажется вам неприятным.

Голос Гу Цинсю оставался ровным, а взгляд — мягким:

— Я никогда не считал твой запах неприятным.

«Никогда? Не слишком ли громкое заявление?» — Инь Чжоу мысленно покачал головой.
«Звучит так убедительно, будто это правда».

Хотя, стоит отдать ему должное: умеет Альфа подсластить пилюлю. «Не неприятный — значит, и не особо приятный», — так это расшифровал для себя юноша.

Он уже собирался ответить, но Гу Цинсю, словно прочитав его мысли, добавил:

— На самом деле, он довольно приятный.

Инь Чжоу осекся.

Стилисты, гримеры и ассистенты, стоявшие неподалеку, замерли, во все глаза уставившись на актеров.

Гу Цинсю только что сказал другому Альфе, что запах его феромонов приятный?

Оправившись от минутного замешательства, Инь Чжоу не принял эти слова на веру, списав всё на простую вежливость перед посторонними.

— Благодарю, — небрежно бросил он. — У вас, учитель Гу, золотой характер, уверен — ваши феромоны пахнут так же чудесно.

Гу Цинсю лишь загадочно улыбнулся. Этот мальчишка не упускал ни единой возможности, чтобы попытаться выманить у него хоть каплю феромонов.

— О? Учитель Инь до сих пор не знает, как пахнет учитель Гу? — невольно вырвалось у стилиста, но она тут же прикусила язык.

Мысль казалась странной. Они оба Альфы, и даже если между ними нет вражды, чувствовать симпатию к чужому запаху — это за гранью привычного. Обычно такие вопросы задают паре Альфа-Омега на интервью, и те могут открыто признаться в любви к аромату партнера. Но между двумя Альфами... Ответ на такой вопрос обычно очевиден всем.

«Неужели учитель Гу просто вежлив?» — подумала девушка. «Но даже для вежливости это звучит слишком интимно».

Инь Чжоу тем временем лукаво подмигнул стилисту:

— Именно так. Учитель Гу слишком большой джентльмен. Должно быть, он просто не хочет, чтобы мне стало не по себе. Всё-таки уровень его феромонов пугающе высок.

Стилист понимающе закивала. Ну конечно! Перед ними же эталонный джентльмен индустрии развлечений, Альфа с большой буквы. Какой благородный человек!

Когда ассистенты закончили работу и удалились, Инь Чжоу с иронией обратился к Гу Цинсю:

— Учитель Гу, то, что вы сейчас сказали... это была правда или сценарий для публики?

Гу Цинсю не стал отвечать прямо:

— А ты как думаешь?

— Опять переводите стрелки на меня? Что ж, мне бы очень хотелось, чтобы это было правдой.

Гу Цинсю взял сценарий и буднично обронил:

— Значит, это правда.

Лицо Инь Чжоу внезапно стало серьезным:

— Это несправедливо.

Гу Цинсю поднял на него глаза:

— О чем ты?

— Вам нравится мой запах, а я до сих пор не имею представления о вашем. Учитель Гу, как ни крути, я в проигрыше.

— ...

Разве в запахах может быть выгода или убыток? Гу Цинсю не стал ввязываться в этот бессмысленный спор.

— Давай повторим сцену.

Но Инь Чжоу не собирался его отпускать:

— Ого, я сказал, что вам нравится мой запах, и вы даже не возразили. Молчание — знак согласия. Так вам действительно нравятся мои феромоны? Не просто «неплохо пахнут», а именно нравятся? Учитель Гу, это плохой знак. У вас есть задатки для АА-любви.

С этими словами он по-дружески толкнул Гу Цинсю плечом.

Тот отложил сценарий и с легким интересом включился в эту словесную перепалку:

— Ты, кажется, и себя в это втягиваешь. Судя по твоей логике, мой объект симпатии — это ты.

Инь Чжоу лишь беззаботно пожал плечами:

— Без проблем, я не против.

Брови Гу Цинсю удивленно приподнялись:

— Вот как?

Инь Чжоу рассмеялся, и в уголках его глаз собрались лукавые морщинки. Понизив голос до интимного шепота, он произнес:

— Бурный АА-роман с самим учителем Гу... звучит как весьма выгодная сделка. Вы разве не знали? У вас целая армия фанатов-Альф, которые спят и видят себя вашими «женушками».

Гу Цинсю прищурился и в тон ему ответил таким же тихим, вибрирующим голосом:

— Ты тоже хочешь стать моей «женушкой»?

Издаലെка за ними внимательно наблюдали Ши Инь и Сяо Ян. Ся Лян, только что вернувшаяся из уборной, озадаченно спросила:

— О чем они там толкуют? Совсем не похоже, что сценарий повторяют.

Ши Инь, не отрывая взгляда, уверенно подтвердила:

— Определенно нет.

— А что же они тогда делают? — наивно поинтересовалась Сяо Ян.

— Флиртуют!

— Пф-ф! — Ся Лян непроизвольно брызнула водой, которую только что отпила.

Сяо Ян ахнула:

— Да ладно?!

Только тогда Ши Инь осознала, что ляпнула лишнего, высказав свои сокровенные мысли вслух. Она поспешно протянула Ся Лян салфетку:

— Ой, простите! Я просто сморозила глупость, честное слово. Фантазия разыгралась. Сестра Ся, вытритесь скорее.

Ся Лян, отфыркиваясь, вытерла лицо и вновь посмотрела на Инь Чжоу и Гу Цинсю. Присмотревшись, она поняла, что они и впрямь стоят как-то подозрительно близко.

О чем они шепчутся? Почему это выглядит так... интимно?

И что это за взгляд у Инь Чжоу? Да и Гу Цинсю ведет себя как-то...

Ся Лян вдруг почувствовалось, что между ними возникло какое-то тягучее, осязаемое поле, отрезавшее их от остального мира. словно вокруг них воздвигли невидимую стену, за которую никому нет хода.

«Что за наваждение?» — Ся Лян тряхнула головой. Точно, это всё слова Ши Инь про флирт с толку сбили.

Тем временем Гу Цинсю уже успел пожалеть о своей реплике. Как ни крути, а шутка вышла за грани дозволенного. Он никогда не позволял себе подобных вольностей с коллегами. Но Инь Чжоу... этот юноша умудрялся выманить на свет ту сторону его личности, о существовании которой Гу Цинсю и сам подчас забывал.

К тому же он уже знал — язык у этого мальчишки без костей, и ответ не заставит себя ждать.

Не успел Альфа придумать, как сменить тему, как выражение глаз Инь Чжоу изменилось, а на его губах заиграла двусмысленная улыбка.

— Учитель Гу, а вы хотите стать моим «мужем»?

Слово «муж» он произнес медленно и вкрадчиво, с легким носовым призвуком и игривой, восходящей интонацией в конце. Оно, словно крючок, впилося ему в уши.

Дыхание Гу Цинсю на миг перехватило.

Инь Чжоу был действительно выдающимся актером — Гу Цинсю и сам это признавал. Одна фраза — и перед ним стоял искусный искуситель. В его голосе смешались кокетство и вызов. Даже зная, что это лишь игра и провокация, Гу Цинсю почувствовал, как сердце предательски ускорило бег.

Он сглотнул, собираясь с мыслями, но Инь Чжоу первым не выдержал собственной серьезности.

Он разразился звонким смехом:

— Всё, не могу больше! Учитель Гу, ну как вы умудряетесь сохранять такое спокойствие после подобных слов? Ой, закругляемся, а то у меня уже мурашки по коже.

С этими словами он демонстративно потер предплечья и поспешно отступил на пару шагов.

Гу Цинсю, не выдавая своего волнения, сухо заметил:

— Сам напросился.

Инь Чжоу кивнул:

— И то верно. В кадре-то я мастер — могу называть вас генералом на тысячи разных ладов. Но вот против настоящего учителя Гу... мне еще тренироваться и тренироваться.

— По-моему, ты и так уже превзошел многих учителей.

— Ха-ха-ха, скажете тоже! До вашего уровня мне как до луны.

Наконец, они оставили шутки и погрузились в работу. К счастью, оба были профессионалами — текст отскакивал от зубов, движения были выверены. После одного прогона стало ясно: проблем не будет. Начались съемки.

Силян Суфэн внес Ло Цяня в подготовленные для него покои. Омега, пошатываясь и спотыкаясь, принялся доставать заранее приготовленные травы и инструменты.

Поскольку до его настоящего периода течки оставалось еще время, он не успел подготовить всё заранее, и теперь ему приходилось действовать в спешке.

Руки и ноги Ло Цяня не слушались. Лихорадочно, сбиваясь и роняя предметы, он расставил всё на низком столике. Это простое действие отняло у него последние силы. В изнеможении он опустился на пол прямо у стола и, опираясь на него, дрожащими руками взял пестик, чтобы начать растирать целебные травы.

Этот длинный эпизод был снят одним дублем. Камера бесстрастно фиксировала состояние Ло Цяня — ни единой заминки, ни единой фальшивой ноты.

Режиссер не давал команды остановиться, и объектив продолжал следить за парой.

Пока Ло Цянь был занят делом, Силин Суфэн перебросился парой слов со слугой-Бетой, но Омега даже не заметил этого.

В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерным стуком пестика о ступку.

Ло Цянь полулежал у стола. Прошло совсем немного времени, и силы окончательно покинули его под натиском разгорающейся течки.

Его голова бессильно поникла, обнажая белизну шеи. Железа, то и дело мелькающая у самого края воротника, источала манящий, сладкий аромат.

Высокий Альфа стоял у двери, застыв подобно изваянию. Он наблюдал за ним с пугающим спокойствием. Лед и пламя, безмолвие и лихорадочный порыв — контраст между ними был разительным. На этом фоне прерывистое дыхание Ло Цяня казалось оглушительным, а дрожь в его руках — невыносимой.

В какой-то момент силы окончательно оставили его. Сосуд с травами едва не выскользнул из рук, но Силин Суфэн, до этого лишь безучастно наблюдавший, среагировал мгновенно. Он рванулся вперед и подхватил чашу, не дав лекарству рассыпаться.

Генерал опустил перед ним на корточки, заглядывая в глаза:

— Почему ты не попросил меня помочь?

От звука голоса собеседника у Ло Цяня сладко заныло в ушах, а кончики его ушей залил пунцовый румянец. Но он всё так же упрямо стискивал зубы.

— Короткий путь... я смог вынести, — выдавил он сквозь силу. — И с лекарством... тоже справлюсь...

Силин Суфэн нахмурился. Он не мог больше смотреть на эти бесплодные мучения. Забрав инструменты из его рук, он спросил:

— Я сам. Что нужно делать?

Длинные ресницы Ло Цяня затрепетали. Он разомкнул губы, явно намереваясь возразить, но тело его окончательно предало. Оставив тщетные попытки казаться сильным, он приглушенно проговорил:

— Сначала... разотрите эти травы. Остальные требуют... другой обработки. Благодарю, генерал.

Силин Суфэн без лишних слов принялся за работу.

Один направлял, другой исполнял.

Рука Альфы была тверда. Он обрабатывал каждую порцию трав именно так, как того требовал рецепт. Затем он достал склянки, стоявшие неподалеку, и, следуя указаниям Ло Цяня, отмерил нужные части, смешивая их в единую массу.

Несмотря на внушительный рост, тяжелые доспехи и ауру воина, привыкшего к масштабным сражениям, генерал действовал удивительно тонко и аккуратно. Ни одна капля ценного состава не пропала даром. Его лицо при этом оставалось предельно сосредоточенным.

Ло Цянь сам не заметил, как перестал следить за его руками и завороченно уставился на его лицо.

— Я встречал немало Альф, — прошептал он, — но ни один из них не был столь внимателен к подобным мелочам. Все те, кого я знал, умели лишь выплескивать свою энергию, но никогда не тратили силы на подобные пустяки.

Однако руки Силин Суфэна, привыкшие к тяжести меча, сейчас с невероятной ловкостью готовили для него снадобье. Его взгляд был предельно сфокусирован, а движения — осторожны.

Казалось, он занят чем-то жизненно важным. Его профиль в свете ламп казался высеченным из камня — волевой подбородок, четкие, безупречные линии. Губы были плотно сжаты.

Он был полностью погружен в процесс.

— Это были обычные Альфы, — не поднимая головы, отозвался генерал. Его голос вибрировал глубоким басом. — Я вел армию Силина через огонь и воду. Мы ползали в грязи, замерзали в лесах и задыхались в песках. Там волей-неволей научишься всему.

Он говорил об этом как о чем-то обыденном, но сколько боли и испытаний скрывалось за этими короткими фразами?

Ло Цянь смотрел на него, и реальность начала ускользать. Его феромоны, чутко реагируя на душевный порыв, вновь изменились. Время сделало свое дело — волна течи накатила с новой силой, становясь необоримой.

Силин Суфэн мгновенно почувствовал это изменение. Его веко едва заметно дернулось.

Феромоны Омеги и раньше идеально ему подходили, но теперь воздух буквально пропитался их

сладостью. Этот аромат не был приторным — он казался тем самым запахом, который его душа жаждала вечность. Железа генерала отозвалась резким жаром, а в глубине естества всколыхнулось первобытное желание. Его собственные феромоны рвались наружу, стремясь окутать Омегу коконом, полностью поглотить его запах, слиться с ним воедино...

Лишь годы суровых тренировок и железная дисциплина удерживали его от того, чтобы не наброситься на этого юношу и не вонзить зубы в его незащищенную шею. Любой другой Альфа, не обладающий такой выдержкой, уже давно бы потерял рассудок и пометил его...

Ло Цянь и сам осознал, что его инстинкты сорвались с цепи. В ужасе он накрыл свою железу ладонью, тщетно пытаясь преградить путь аромату.

Инь Чжоу слишком глубоко погрузился в роль. Его движение было резким и сильным — железа в этот момент была сверхчувствительной, и от этого прикосновения всё его тело содрогнулось. Он повалился на край стола, больно ударившись локтем об угол. Грохот вышел приличный.

Брови Гу Цинсю мгновенно сошлись на переносице. Он инстинктивно вскинул руку, желая подхватить его за плечи, но вовремя замер.

Он не стал прерывать сцену, лишь внимательно следил за каждым движением Инь Чжоу.

В сценарии этого не было. Там говорилось лишь, что Ло Цянь в муке сворачивается калачиком, прижимая ладонь к железе. Пожалуй, только Гу Цинсю понимал, что этот удар об угол был реакцией самого Инь Чжоу.

Но раз юноша не подал знака остановиться, значит, он намерен играть дальше.

Линь Юймин тоже не давал команды «Снято». Гу Цинсю видел, как напряглись плечи юноши. Прошло несколько долгих секунд, прежде чем тот медленно, с трудом выдохнул.

Поняв, что партнер пришел в себя, Гу Цинсю убрал руку. Следуя сценарию, он произнес с глубоким, сложным чувством:

— Никогда не встречал столь упрямых и выносливых Омег. На что ты надеешься в разгар течки? Ты даже вещи в руках удержать не можешь. Если бы это была не резиденция генерала, а улица...

В этот момент Гу Цинсю думал уже не о персонаже, а об Инь Чжоу. Он еще не встречал Альф, которые бы столь наплевательски относились к собственной железе.

Он не договорил, но Ло Цянь и без слов понял его мысль. Он слегка приподнял голову, заглядывая Альфе в лицо:

— Если бы это была не ваша резиденция... и если бы рядом не было вас, генерал... я бы... и не просил вас о помощи.

— Столь во мне уверен? Я ведь тоже Альфа.

Ло Цянь слабо улыбнулся:

— Если я скажу... вы меня казните?

Суровый генерал дал слово:

— Казнить не буду. Говори.

Ло Цянь перевел дыхание и тихо рассмеялся:

— Неужели вы не знаете, что о вас болтают в городе Силин? Люди вас любят и почитают, но все они крайне обеспокоены вашим будущим. У вас столько лет нет Омеги, и поползли слухи... Говорят, что вы совершенно невосприимчивы к их феромонам. Что вы попросту... немощны в этом плане. Иначе я бы не стал всеми правдами и неправдами пробираться в ваш дом.

— ...

Взгляд Силин Суфэна стал опасно острым:

— И ты тоже так считаешь?

Лицо Ло Цяня пылало от страсти. Он одарил Альфу мимолетной улыбкой, в уголках его глаз заплясало истинное искушение. Гу Цинсю почувствовал, как в его взгляде что-то вспыхнуло, но не отвернулся.

— Раньше я сомневался. Но сегодняшний день развеял все подозрения. Генерал, наши феромоны так идеально подходят друг другу, а вы на меня совершенно не реагируете. Если это не невосприимчивость к запаху Омеги, то что же это тогда?

Пока он говорил, его собственные феромоны продолжали взывать к Альфе, ища ласки и утешения. Но как бы он ни искушал его, генерал-Альфа оставался непоколебим. Он не выказывал ни малейшего намерения поддаться зову плоти.

Ло Цянь чувствовал себя так, словно он обнажился перед этим человеком, а тот смотрит на него как на бездушный кусок дерева. Его присутствие ни на йоту не смутило генерала.

Лицо Силин Суфэна потемнело:

— А ты очень смелый.

Ло Цянь криво усмехнулся:

— Моя смелость? Разве вы не узнали о ней еще при нашей первой встрече, генерал? Не будь я смелым, я бы никогда не выбрался из своих разрушенных родных краев.

При этом упоминании брови Силин Суфэна дрогнули, а его лицо слегка смягчилось. Он отвел взгляд, словно не желая беречь старые раны юноши:

— Это в прошлом.

Но Ло Цянь понимал — дело не только в этом.

Всё дело в его феромонах. Неправда, что генерал Силина ничего не чувствует.

Ло Цянь располагал точными данными: слухи о немощности — ложь, лишь удобная ширма. На самом же деле Силин Суфэн, желая побороть инстинкты Альфы, еще в период своего созревания начал изнурительные тренировки по самоконтролю. Именно благодаря им он до сих пор не попался в сладкие ловушки, расставленные вражескими Омегами.

Хотя многие другие генералы-Альфы не раз оказывались во власти своих инстинктов.

Разумеется, внешне Ло Цянь продолжал разыгрывать неведение:

— Вы ведь приняли меня в свой дом лишь потому, что я вам безразличен? В ваших глазах я, должно быть, ничем не отличаюсь от Беты? Что ж, я тоже приложу все силы, чтобы видеть в вас лишь Бету.

«Видеть в нем Бету»...

Для любого Альфы эти слова были сродни звонкой пощечине.

Даже у Силин Суфэна на руке вздулись вены.

Он процедил сквозь зубы:

— И что же дальше?

Ло Цянь помедлил. Никто не знал, какой нелегкий выбор он сейчас совершает в своей душе.

Ведь он прекрасно знал, что Силин Суфэн вовсе не немощен.

Но ради достижения цели он, опираясь одной рукой о стол, подался навстречу Альфе и повернулся к нему спиной.

— Раз так... генерал, не сочтете ли за труд помочь мне нанести это лекарство?

Ло Цянь ослабил воротник, и его белая шея с беззащитной железой предстала перед глазами Альфы.

Это было уже не просто искушение. Это было наглое, вызывающее соблазнение.

Силин Суфэн обернулся. Он уставился на шею юноши, и его взгляд мгновенно потемнел.

Перед ним был не просто упрямый и умный Омега. Перед ним был Омега, который заигрывал со смертью.

Генерал всегда был подчеркнуто вежлив с Омегамы, но в этот миг его выдержка дала трещину. Он резко вскинул руку и с силой прижал Ло Цяня к ледяному полу. Опустившись на одно колено рядом, он почти полностью накрыл его своим телом.

Этот маневр был прописан в сценарии, и Инь Чжоу был к нему готов, но в момент исполнения сердце его пропустило удар.

В каждом движении Гу Цинсю он кожей чувствовал подавленную ярость и скрытое пламя Силин Суфэна.

Ладонь Гу Цинсю легла прямо на его затылок, замирая всего в паре сантиметров от чувствительной железы.

И хотя на юноше был пластырь для железы, сейчас он казался прозрачным и невесомым. Пальцы Гу Цинсю начали тяжело и властно поглаживать кожу вокруг железы, и в этом жесте сквозило неприкрытое, вырвавшееся из-под контроля желание.

Ло Цянь — а вместе с ним и сам Инь Чжоу — замер. Его зрачки сузились. Прижатый щекой к холодному полу, он краем глаза видел, как Альфа склоняется над ним, подобно хищному зверю над добычей. Горячее дыхание собеседника обжигало кожу на шее, словно тот примеривался, куда удобнее вонзить зубы.

— Считать меня Бетой? Что ж, боюсь, я тебя разочарую. Помнится, ты говорил, что не желаешь быть помеченным незнакомым Альфой? А теперь? Неужели ты думаешь, что у тебя всё еще есть право на отказ?

Инь Чжоу всем телом содрогнулся. Он хотел было произнести свою реплику, но горло словно перехватило. Пальцы беспомощно скребнули по полу, не оставив и следа.

Он никогда не испытывал подобного давления. Даже зная, что это игра, в этот миг он осознал — сопротивление бесполезно. Истинный Альфа внутри него требовал немедленно вырваться и бежать, но он был прижат к земле, словно рыба на разделочной доске. Грубый большой палец Гу Цинсю коснулся самого края пластыря для железа, поглаживая открытую кожу. Каждое такое движение вызывало волну мучительной дрожи.

Наконец, Инь Чжоу дрожащим голосом выдохнул реплику:

— Гу... Гу Цинсю!

— Снято!!!

<http://bllate.org/book/15873/1499158>